
МАРИЯ
ВЫСОЦКАЯ
Он мой
КОШМАР

Мария Высоцкая
Он мой кошмар

https://litres.ru/74778274
SelfPub; 2026

Аннотация

Он не признаёт границ и не знает слова «нет». Опасный. Одержимый. Без тормозов.

Он ее кошмар. Кошмар желающий перекроить ее под себя. Ему плевать на последствия — он готов уничтожить любого, кто посмеет к ней приблизиться . Для него не существует запретов — только инстинкты и слепая, удушающая ярость.

Теперь, она принадлежит ему. Даже если весь мир против. Даже если ей придётся ненавидеть его до последнего вздоха. Даже если эта одержимость сожжёт обоих дотла.

Содержание

1	4
2	9
3	13
4	18
5	22
6	27
7	32
8	36
9	41
10	45
11	49
12	54
13	59
14	65
15	70
16	76
17	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Он мой кошмар

1

«Закружила так, что не верится.

Может быть, вся жизнь переменится…»
Мари Краймбрери – Медляк (ft. HammAli, Закружила)

Темнота. Небо затянуто плотными тучами и вот-вот разольется дождем.

Я бегу, пока не упираюсь руками в стену. Ловушка, из которой нет выхода. Медленно поворачиваюсь.

Каждый его шаг отдается в ушах звоном.

Андрей не торопится. Конечно, я и так загнана. К чему теперь торопиться?

Оказавшись напротив, вытягивает руку и сжимает мой подбородок. Не больно, но очень ощутимо…

– Я никуда тебя не отпущу, Еся. Лучше убью здесь и сейчас. Ты моя. Нравится тебе это или нет. – Он смотрит в упор. В глазах ярость, она сгущается надо мной черной тучей. – Еще раз я увижу тебя хоть с кем-то…

Мои губы дрожат. Смотрю на его кулаки, перепачканные кровью, врезаясь спиной в холодную стену.

– Ты чуть не убил его.

– Я же предупреждал. Только моя, – переходит на шепот, впиваясь пальцами в мои плечи.

– Ты ненормальный, Панкратов. Чертов псих. Убери от меня руки. Не смей ко мне прикасаться.

– Я псих, и тебе это нравится.

Проводит костяшками пальцев по моей щеке, оставляя на ней кровавые отпечатки.

– Отпусти, Андрей, мне осточертели твои выходки. Я не твоя собственность. Не твоя вещь. Почему ты ведешь себя так, словно тебе это позволено?

– А мне и позволено, Еська…

Мои губы дрожат, а тело продувает ледяным ветром. На дворе поздняя осень, а на мне тонкое шифоновое платье, что ни капли не греет.

– Мне все позволено, – рывком тянет к себе, а у меня земля из-под ног уходит. – Не смей от меня сбегать. Никогда.

Мы стоим в колодце питерского дома. Крупные капли начавшегося дождя царапают кожу. Холодно. Так холодно и так нестерпимо жарко. Жуткий контраст.

– Я тебе не разрешал, – встряхивает меня как куклу, – слышишь?

Слышу… Ты всегда делал то, что тебе заблагорассудится. Наша первая встреча была именно такой…

За несколько месяцев до описываемых ранее событий…

Первая встреча.
Есения

Смотрю вниз, в танцующую толпу, выхватывая лишь отрывки Леськиных громких фраз. Никогда не бывала в этом клубе на втором этаже. Всегда только там, в хаосе танцующих людей.

Бережная отлипает от перил и тянет за руку к диванчикам. Туда, где расположилась добрая половина нашей группы. Официантка любезно подает еще порцию коктейлей.

– За начало семестра, – Леся прыскает со смеху и залпом осушает длинный бокал.

Я ограничиваюсь лишь глотком сока. Еще не хватало прийти домой окосевшей. Маме это не понравится. Да и самой мне не нравится.

Виталик, Леськин брат, рассказывает очередной похабный анекдот, совершенно забывая, что их эра давно канула в Лету.

Хочется закатить глаза, что я, в принципе, и делаю. Но, несмотря на жеманность вокруг, чувствую себя расслабленной и почти счастливой. На мне красивое бежевое платье, идеальный макияж, на работе дали несколько выходных, а впереди еще целая ночь танцев.

Боковым зрением замечаю темную, идущую к нам фигуру. Но особого внимания ей не уделяю. Продолжаю покачивать ногой в такт музыке.

– Андрюха! – Виталик подскакивает с места и хлопает незнакомца по плечу. Улыбается.

Стелется перед ним, как перед своим хозяином. Этого у Бережного не отнять.

А вот новоприбывший совсем не разделяет общего веселья. Скорее наоборот, транслирует поток негатива. Захлестывает им каждого за этим столиком.

– О, Панкратов нарисовался, – шепчет Леся, – сейчас начнется, – вымученно вздыхает.

Я слегка напрягаюсь.

Он садится в кресло и раздраженно кидает смартфон на столик. Поза у него вроде и расслабленная, но руки сжаты в кулаки. Мне кажется, все сидящие здесь притихают. Движения становятся более скованными, а улыбки ненастоящими.

Кто он такой и зачем пришел – понятия не имею. Но по отрывкам фраз подруги понимаю, что он друг ее брата. Старшего брата, который приперся суда по приказу отчима. Контролирует младшую сестренку.

В какой-то момент понимаю, что рассматриваю этого самого Панкратова.

Взгляд падает на массивные часы, что огибают его запястье. Золотые. Почему-то усомниться в том, что они настоящие, я не могу.

Он пышет состоятельностью и полным безразличием к происходящему.

Темно-русые волосы, широкие плечи. Черный бадлон с

невысоким горлом обтягивает бицепсы. Слово спорт ему явно знакомо не понаслышке.

Широкие скулы, острый нос и подбородок с едва заметной ямочкой. Глаза светлые. Разобрать оттенок, конечно, нереально. Симпатичный. Он, бесспорно, симпатичный. Но както по-особенному. Есть в нем какой-то треплющий душу страх. Опасность. Да, вероятно, это самое правильное слово.

А когда наши глаза встречаются, мне становится не по себе. Он очень пристально меня рассматривает, словно раскладывает в своей голове на детали.

Стараюсь держать лицо, но губы предательски подрагивают.

Слишком жутко. Сразу начинаешь чувствовать себя не в своей тарелке.

Тяжелый взгляд, который у меня не получается выдержать до конца, как бы я ни старалась. Мои щеки краснеют, а кожа покрывается колючими мурашками.

– Бережная, с каких пор ты дружишь с эскортницами? – Панкратов чуть прищуривается и переводит взгляд на Леську. – Папа не наругает? – скалится.

2

Приоткрываю рот. Такого я точно не ожидала. Совсем.

Все мое напускное безразличие тает на глазах.

– Панкратов, не хами! – моя Леська переходит в оборону. – Тоже мне божок.

– Витася, рот своей сестре закрой, или это сделаю я, – скалится. – Не уверен, что ей понравится.

Бережная замолкает, а его губы изгибаются в подобии улыбки, глаза при этом остаются холодными. В них пусто.

– Тогда, может, свалишь отсюда? – выгибаю бровь. – Нам тоже твоя компания не слишком приятна. У нас тут своя атмосфера, если ты не заметил.

– За себя говори, Токарева, – встревает Виталик-подпевала, а Леся испуганно дергает меня за руку.

– Что ты сказала? – Панкратов подается чуть вперед, просто пригвождая меня взглядом к диванчику. Даже если я захочу встать, не смогу.

– Проблемы со слухом? – вновь хватаю маску напускной бравады, стараясь залезть в нее как можно глубже.

Медленно вхожу в раж, что плохо. Остановиться будет нелегко. Терпеть не могу таких самовлюбленных типов.

– Смотри, чтобы у тебя не возникло проблем, – его голос резонирует с выражением лица. Такая грубая, вкрадчивая подача и полное безразличие на лице. Ни единой эмоции.

Бережная чуть дергается и хочет встать. Спешит уйти. Чувствую это ее желание слишком остро. Она всегда такая – забитая и тихая. Просто не представляю, что сподвигло ее на реплику в адрес этого хама.

Крепко сжимаю Леськину руку.

– Даже не думай, – сквозь зубы. – Не ведись на этот бред, Олеся, – говорю с нажимом.

Спустя время атмосфера становится менее напряженной. Панкратов исчезает где-то за барной стойкой, но я продолжаю ловить на себе его взгляды.

Ребята снова начинают болтать и смеяться. Кто-то уходит танцевать, а я сижу, будто меня приложили по голове чем-то тяжелым.

Лесе звонят, и она, сто раз извинившись, сбегает на улицу. Ее отчим снова закручивает гайки. Тоталитаризм в действии.

Мы быстро спускаемся по лестнице и, притормозив у входа, размеренно шагаем к уже подъехавшей за ней машине.

– Удачи, – шепчу ей на ухо и целую в щеку.

Пару минут слежу за отъезжающей иномаркой. А когда поворачиваю голову, моментально покрываюсь колкими мурашками. Вздрагиваю.

Он стоит за моей спиной.

– Так кто ты такая? – его вкрадчивый голос словно надвигающаяся темнота. Черная дыра, которая в любой момент может стереть с лица земли.

Панкратов снова прищуривается и не церемонясь толкает меня к стенке.

– Ты совсем? – впечатываюсь в холодную поверхность, начиная паниковать.

Ловушка.

Он затолкнул меня в самый угол. Подальше от людей.

Сам стоит напротив. Очень близко. Мне кажется, я чувствую тепло его тела.

Панкратов оценивающе осматривает меня с ног до головы и снова кривит свою рожу в насмешке. Такая гаденькая улыбка, от которой начинаешь чувствовать себя предметом. Не человеком, а вещью. Он и смотрит на меня именно так, обезличивает.

Трогает. Без всякого стеснения оттягивает ворот моего платья, а потом грубо и больно впивается пальцами в изгиб талии.

Пытаюсь вскрикнуть, но мой рот моментально накрывает его ладонь.

– Харе дергаться.

– Пусти… – все, что могу выдать, когда он убирает руку от моего лица.

– Вечер только начинается. Думаю, мы продолжим знакомство в другой плоскости, – уголки его губ заостряются в подобии улыбки, – я видел, как ты смотрела на мои часы, – проводит рукой перед глазами. – Деньгами не обижу.

– Совсем больной? – пытаюсь вырваться, но он лишь силь-

нее сдавливает мое тело. Пригвождает к стене, просовывая ногу между коленями.

– А разве ты тут не за этим? – выгибает бровь.

Нет, это точно параллельная вселенная. Абсурд какой-то. Дыхание перехватывает. Я слышу стук собственного сердца. Так громко оно заходится в ритме учащенных ударов…

Страшно. Мышцы сводит от испуга, и я дергаюсь, словно в конвульсии.

Моя вечная, набитая до оскомин бравада тает. Я сталкиваюсь со своими страхами лицом к лицу.

– Мой отец сотрет тебя в порошок, – шиплю, но моя угроза на него не действует.

– Хорош строить из себя недотрогу, – снова дергает за вырез платья-рубашки, и мелкие пуговички летят мне под ноги. – Прокатимся.

Я не успеваю пикнуть, как он засовывает меня в черную тонированную машину, что все это время стояла в паре шагов.

3

– Что ты делаешь? Это преступление, слышишь? Преступление!

Ору на всю улицу, но только внимания никто не обращает. Даже охрана, что стоит на входе, просто-напросто игнорирует его выходку. Мой крик развеивается в воздухе, а дверь в машине захлопывается.

– Рот закрой, – резко тянет меня на себя, и я в мгновение пропитываюсь запахом его довольно резкого парфюма.

Кожу на шее режет от впивающейся колючей бирки.

– Ты не в себе? Боже, – зарываюсь пальцами в свои волосы. – Пусти, я не та, за кого ты меня принял! – ору ему в лицо и, кажется, даже умудряюсь поцарапать кожу на небритой щеке.

От моих действий его взгляд темнеет, но словесно он упускает этот момент. Разве что крепче сжимает запястье.

– Ей никогда не поздно стать. Я заплачу. Вы все одинаковые, – пожимает плечами, отталкивая меня обратно на сиденье. – Валера, поехали.

Бросаю умоляющий взгляд на водителя, но тот словно каменная статуя. Делает вид, что тут вообще кроме него никого нет. Пусто.

– Ты об этом пожалеешь, понял? – выплевываю ему в лицо и сразу же оказываюсь под действием его хмурого взгляда.

– Не думаю.

Больше он не говорит. Повисает молчание.

За довольно плотной тонировкой начинают мелькать здания. Машина набирает скорость. Подтягиваю колени к груди. Мне просто нужно придумать план. Вот и все…

– Зачем тебе это? – спрашиваю, изо всех сил стараясь не икать от страха.

Я-то знаю, что никто его в порошок не сотрет и ни за что он не поплатится. Нету у меня никакого отца, который бы мог быть на такое способен.

– Скучно, – лениво ведет плечом.

– Скучно?!

Мои глаза вылезают из орбит. Ему скучно! Серьезно? Это же… это…

Я так и остаюсь сидеть с приоткрытым ртом от услышанных слов. Меня трясет. Все вокруг просто теряет смысл.

Ему скучно, и он готов сделать со мной все, что ему вздумается…

Разве так бывает?

– Пореви для приличия, – лениво вытаскивает из пачки сигарету, смотрит на нее и убирает обратно. – Подави на жалость. Влезла в роль, играй до конца.

– Пошел ты. Словно это поможет.

– Правильно, не поможет. Верно мыслишь, кукла.

– Сам ты… козел.

Его поблескивающие в полутьме глаза точно рассекают

меня напополам. Я обжигаюсь его взглядом. Острым и колючим.

– Первое впечатление меня не обмануло, – он вытягивает руку и трогает мои волосы.

Накручивает рыжие локоны на свои пальцы, а я перестаю дышать.

– Ты серийный маньяк?

– Убить тебя не входит в мои сегодняшние планы. Может быть, потом, – понижает голос.

Он подается ближе. Натягивает локон моих волос и, прикрыв глаза, тянет носом запах.

Ощущения жуткие.

– За свои слова надо отвечать. Кажется, я тебе уже об этом говорил сегодня…

– Даже не надейся, лучше убивай.

Мой голос дрожит. Я искренне хочу вложить в него всю храбрость, но ее сейчас нет.

– Смелая?

Касается моей щеки, медленно спускаясь все ниже. Шея, ключица…

– Снимай платье.

– Пошел ты, – выплевываю слова и мгновенно чувствую грубый захват. Он сжимает мою шею, пригвождая затылком к спинке сидения.

– Пока я даю тебе выбор, но ты все равно это сделаешь. Сама или уже с моей помощью… – замолкает. Только смот-

рит так, что и по взгляду ясно, что он не шутит.

Машина притормаживает, и я начинаю дрожать.

– Тик-так, – смотрит на часы. – Советую думать быстрее.

Я хаотично осматриваюсь по сторонам. Ищу какую-то поддержку, помощь, но ее здесь нет и не будет. Руки трясутся. Он серьезно?

Машина остановилась посреди улицы. Я хочу дернуться, дотянуться до ручки двери, но он пресекает мою несчастную попытку моментально.

Его лицо всего в паре миллиметров. Он тяжело дышит. Как бык на корриде. И глаза у него такие же. Красные, залитые кровью и яростью.

В этот момент ему звонят.

Панкратов нехотя отрывается от моей шеи и отвечает на вызов. Слушает, что ему говорят буквально пару секунд, за которые успевает скользнуть по мне диким взглядом.

– Я жду, – одними губами.

Зажмуриваюсь, прижимая руки к груди. Пусть лучше убивает.

Панкратов самодовольно кивает и убирает телефон в карман. Протягивает руку в мою сторону, и я инстинктивно еще сильнее вжимаюсь в кресло.

– Не шугайся так, – улыбается, – урок на будущее, лишний раз не молоть своим длинным языком все, что приходит в твою пустую голову. Потому что могут быть последствия.

Его палец упирается в мой лоб, словно он приставил пи-

столет.

– Вали уже, – открывает дверь. – Чего застыла? Или хочешь остаться?

Нервно кручу головой и практически выкатываюсь на асфальт.

– В следующий раз, прежде чем быковать, будешь думать, рыжуля. Валера, поехали!

4

Как только оказываюсь на улице, автомобиль трогается с места с диким ревом.

Смотрю на отъезжающую машину со слезами на глазах. Проходят какие-то секунды, прежде чем я бросаю свою босоножку вслед тачке с диким криком.

– Козел!

Тяжело дыша, поднимаюсь на ноги. Ощупываю себя. Трогаю лицо, плечи, живот, который скрутило болью. Горло, на котором точно остались отметины от его пальцев. Сглатываю.

Несколько секунд смотрю в одну точку и только потом понимаю, что моя сумка с телефоном, документами и ключами от дома осталась в этой проклятой машине. Она так и продолжает валяться на коврике под сиденьем водителя, куда благополучно упала, когда меня заталкивали в авто.

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я добираюсь до дома. Может быть, час, может, меньше…

В голове набатом лишь одна мысль – мне повезло остаться живой и почти невредимой.

Ввожу код на домофоне и, ускорив шаг, забегаю в лифт. Придется звонить в дверь. Боже, что говорить маме? Как я выгляжу? Поправляю платье, стягивая края, оставшиеся без пуговиц, ближе друг к другу.

Приглаживаю волосы и уверенно давлю на дверной звонок.

– Еся!

Мама появляется передо мной в длинной ночнушке и с накинутым на плечи халатом. Прищуривается ото сна и пропускает в квартиру. Свет не включает.

– Где твои ключи?

– Случайно забыла в такси, – вру, стараясь не смотреть ей в глаза и лицом своим светить поменьше. – Но ты не переживай. Таксист еще Леську домой повез, я ей сейчас с твоего телефона наберу, чтобы забрала.

– Хорошо, – мама зевает и выносит из своей комнаты мобильный. Вручает его мне и уходит спать. Она с суток, поэтому внимание на моей потрепанной фигуре не заостряет. Спит на ходу.

Крепко сжимаю старенькую красную раскладушку и делаю вид, что звоню подруге.

Возвращаю мобильный в мамину комнату, а после долго стою под теплыми струями воды, стараясь забыть эту ужасную ночь.

Касаюсь шеи. До сих пор чувствую его крепкий захват. Тело пронзает фантомной болью. Ненастоящей. Но мое сознание воспринимает все за явь.

…просыпаюсь ближе к обеду. Открываю глаза и четко слышу, как мама что-то готовит.

Смотрю на себя в зеркало, пока расчесываю волосы. Выгляжу паршиво. Лицо бледное, чуть припухшее. На шее действительно остались синяки.

Натягиваю темно-синюю пижаму, прикрывая шею волосами и чуть приподнятым воротником свободной пижамной рубахи.

– Доброе утро, – бодрый голос мамы вызывает на лице тень улыбки.

– Доброе, – усаживаюсь на стул, подогнув под себя ноги.

– Ты представляешь, вся наша больница на ушах стоит, – мама наливает мне чай и ставит кружку на стол. – Кошмар просто.

– Что произошло? – размешиваю сахар.

– Младший сын Панкратова ночью поступил.

На этих словах я перестаю пить. Не дышу даже. Меня просто подбрасывает над землей.

– Кого? – растерянно хлопаю глазами.

– Младший сын нашего мэра, – мама переходит на шепот. – Спутался с какой-то девицей… в аварию из-за нее попал.

Панкратов Владимир Анатольевич – мэр. Мэр нашего города.

А вот Андрей Панкратов – его сын. Я и раньше слышала его имя от Леськиного брата, только он же тут не живет. В Москве учится… Неужели?!

– Он же у них мальчик тихий, говорят, – продолжает мама. – А тут связался с девчонкой какой-то… В общем, пар-

ня еле откачали. Переливание крови делали. Машина, говорят, всмятку. Спасатели пока распилили все, чтобы его вытащить…

– Откуда ты знаешь?

– Да все уже знают. Мое дело маленькое – утки выносить. Зато наш главврач волосы на голове рвет. Жена мэра там такое устроила…

– Кошмар…

– В общем, информация уже просочилась, теперь будут рты всем затыкать.

– Неудивительно, – бормочу себе под нос, и в дверь неожиданно звонят.

– Я открою, – мама выскальзывает в прихожую, и через секунду я слышу голос, который пыталась забыть.

Пальцы на ногах поджимаются сами собой, а сердце ухает куда-то вниз.

– Еся…

5

Только его нам и не хватало…

Отец стоит посреди прихожей. Мама вся белая, прилипла к стене и держится за сердце. Конечно, в последнюю их встречу он угрожал ей ножом.

– Что ты тут забыл? – смотрю на него исподлобья.

– Прописан я тут, дочур. Паспорт показать? – нагло улыбается, зажимая в зубах неприкуренную папиросу.

– Есенька, иди к себе, – шепчет мама.

– Конечно, и оставить тебя с ним одну? – складываю руки на груди.

Какого черта он вообще приперся? Ему сидеть еще два года.

Мы четыре жили спокойно, но содрогались от одной мысли, что он вернется. А теперь, кажется, этот день настал.

– Ты ударился в бега?

– Выпустили по УДО.

Он говорит с улыбкой. Нагло осматривает квартиру, шляется по комнатам даже не разуваясь. Оставляет на линолеуме грязные следы от своих гамаш и чувствует себя абсолютным хозяином. Вон как вытянулся весь. Чувствует свое превосходство в силе. Козел.

– Зачем ты приехал, Алик? – мама наконец отходит от шока. Делает шаг ко мне и впивается в отца гневным взглядом.

– Нужно где-то перекантоваться. Не боись, Лидка, не обижу.

Отца посадили за разбой. Жертв с летальным исходом, к счастью, не было. Он со своими дружками ограбил магазин. Притащил «добычу» домой, а уже на утро следующего дня за ним пришла полиция.

Вообще, он всегда только и делал, что портил нам жизнь.

Я не помню ничего хорошего, что могло бы быть с ним связано. Все детство лишь слезы и скандалы. Крики и оскорбления.

Мама развелась с ним десять лет назад, но ничего это не поменяло. Он продолжал жить с нами все это время, так как имеет в квартире долю. А за неимением денег ни у одной из сторон поделить жилплощадь, чтобы разъехаться, не представлялось возможным.

Наверное, его заключение стало для всех нас облегчением. Шансом на нормальную жизнь. Без вечно снующих здесь подозрительных типов, дебошей и как к себе домой заглядывающей полиции.

Он не раз бил маму. Мне с Алинкой, старшей сестрой, тоже доставалось.

К счастью, сейчас она уже вышла замуж и съехала. Повторного кошмара больше не увидит. А вот что ждет меня, маму и еще двух сестер, теперь остается загадкой…

Какова вероятность, что он изменился? Сколько это в процентном соотношении? Уверена, сущий мизер.

– Чего застыли? Не рады батьке, куры, – он мерзко лыбится и толкает ногой дверь в гостиную, комнату, где сейчас спит мама.

Квартира у нас трехкомнатная. Но по площади очень маленькая, мне кажется, у многих двушки больше.

Пока он бросает свое барахло в кресло, мамуля крепко сжимает мою руку.

– В деревню за девочками со мной поедешь, – понижает голос, – одну я тебя с ним здесь не оставлю.

– Я у Леськи заночую, – тоже шепчу, – завтра на пары рано вставать, не хочу полночи трястись в поезде.

Мама кивает, и мы вместе наблюдаем, как папаша откупоривает бутылку.

– За возвращение?! – салютует и пьет прямо из горла.

Внутри зарождается тошнота. Я и так доверху переполнена ненавистью, еще не хватало, чтобы меня вывернуло здесь от отвращения.

…крепко обнимаю маму на вокзале и бегу на остановку, как только она садится в пригородный поезд. Уже завтра Лена и Катя будут дома. Их, как самых младших, на все лето отправляют к бабушке. В моем детстве было то же самое.

В голове сразу всплывает образ добротного деревянного дома и вишневых деревьев. Бабуля что тогда, что сейчас возится с внуками. Она у нас самая замечательная.

Перекинув ремешок сумки через плечо, иду на останов-

ку. По пути покупаю рожок мороженого и еще минут пятнадцать тусуюсь в ожидании маршрутки.

Дорога до кафе, где меня ждет Бережная, занимает около получаса.

– Привет, – бросаю сумку на диванчик рядом с собой, – спасибо, что разрешила у тебя заночевать.

– Что за глупости, Есь? Я всегда тебе рада.

Леся улыбается в привычной ей манере, так по-доброму. Очень искренне и трепетно.

Мы с Бережной познакомились в том году, попали в одну группу. Сразу сдружились. Она первая ко мне подошла. Вся такая потерянная, скромная, но при этом до макушки упакованная в бренды. Нетипичная мажорка, так я ее прозвала.

Моя Олеся хорошая. Добрая, открытая, мне кажется, даже слишком…

– Спасибо. Не представляю, что бы без тебя делала.

– Поехали домой, – растирает ладони, постоянно оглядываясь по сторонам, – по дороге расскажешь про отца. Совсем все плохо, да?

– Честно говоря, даже называть его так не хочется, – опускаю взгляд, – отец…

– Все будет хорошо.

Подруга крепко стискивает мою руку и тянет прочь из этого места.

Пока я устраиваюсь на сиденье ее голубого кабриолета, Леся успевает подправить макияж.

– Слушай, – пристегиваюсь, – Панкратов – сын мэра? Или просто однофамилец?

– Его самого. Самовлюбленный кретин он – этот Андрюша. Ума не приложу, как вообще мой Витася с ним дружит.

– Давно?

– Всегда. Они в одном классе учились, потом Андрюха в Москву перебрался. Сразу после школы. Редко сюда приезжает. А еще… у нас дома через дорогу друг от друга, – уточняет, но на меня не смотрит.

Последнюю реплику я пропускаю мимо ушей, и очень зря на самом деле. Потому что проявление этого соседства даст знать о себе уже ночью.

– Да плевать на него. Ты сама-то как? Отчим вчера сильно орал?

– Так, забей… Они с мамой сегодня с утра на несколько дней в Европу свалили. Уже счастье.

6

Андрей

– Мы еще увидимся?

– Не думаю, – мотнув головой, закрываю дверь прямо перед носом девчонки, позади которой сразу появляется охрана.

Веду пальцами по затылку, понимая, что имени ее не помню. Точнее, даже не спрашивал. А смысл?

Убрав руки в карманы, заглядываю в столовую. Время около семи вечера. Как раз ужин.

Семейка в сборе. Почти в полном.

– У тебя брат в больнице, ты бы хоть постеснялся! – отец заводит свою извечную шарманку нравоучений. Моралист, блин…

Как и всегда, эмоционально бросает столовые приборы, звеня серебром о фарфоровую тарелку.

– Мать места себе не находит, а он со всякими… – переводит дыхание, – шляется. Совесть у тебя есть? Хоть какая-то? Таскаешь в дом не пойми кого.

– Малому сейчас без разницы, где я шатаюсь и с кем сплю. Он без сознания. Вам, кстати, тоже не мешало бы сбавить обороты и не лезть в мою личную жизнь.

– Андрюша… – мама театрально охает.

– Я все и так знаю, мама, – сажусь на стул и вытягиваю под столом ноги. – Ты не таким меня воспитывала. Помню.

Мама покачивает головой, поправляя воротник своей идеально выглаженной белой рубашки.

– Что с тобой происходит? – печально скользит глазами по моему лицу. Мама любит проявлять сочувствие, особенно там, где не надо.

– Вкрай обнаглел он, вот что с ним происходит, – вмешивается отец.

От воплей с пеной у рта его лицо приобрело нездоровый багровый оттенок, а глаза налились кровью. Еще немного, и от усердного воспитания полопаются капилляры.

– Я вас услышал, – щелкаю пальцами по хрустальному бокалу. Если разобрать всю посуду, что стоит на столе, детально, то можно заметить, что живем мы до сих пор словно при царе, золотых кубков только не хватает.

– Кстати, радостная новость, – отец прищуривается.

Делает долгую паузу, жадно поглощая воду из стакана. Скорее всего, у него сушняк после очередных «посиделок» в сауне.

– Ты остаешься в городе.

– А как же учеба? – мама чуть вытягивает шею.

– Я перевел его в наш местный вуз. Еще вчера.

Вот эта новость не радует. Поднимает где-то внутри бурю эмоций, которые я привычно сдерживаю.

– С чего такая забота? – смотрю на папашу в упор.

– С того, что мне надоели твои выходки. Теперь ты будешь здесь, под моим личным контролем. К тому же брату не помешает твоя компания, – отрезает без права на апелляцию.

Киваю. Последние слова оставляют осадок.

Если бы я был рядом…

Передергиваю плечами, чтобы сбросить эти ощущения.

Значит, в местный универ… прекрасно.

Семейное сборище покидаю в наивысшей точке раздражения. На улице упираюсь плечом в колонну на крыльце, наблюдая за подъезжающей к соседнему дому машиной Бережной.

Голубой кабриолет, большего каламбура не придумаешь.

Сжимаю в кулак вейп и в сотый раз за день вспоминаю, что бросаю курить.

Тачка паркуется во дворе, который открыт для моего взгляда. Как на ладони.

Олеська явилась не одна. Прихватила свою языкатую подружку.

Вчера рыжуля попалась под горячую руку. Сама в бутылку полезла. Дура. Это было временное помутнение, которое накрыло волной. Внутри только ярость и злость. А еще часы, гребаные часы ожидания, придет Славик в себя или нет. Меня и переклинило.

Не знаю, чем бы все закончилось, если бы мне не позвонил Ростов. Он оперативно отыскал ту шваль, из-за которой мой брат попал в больницу. Не уверен, что теперь она ко-

гда-либо появится в городе. Да и вообще в радиусе тысячи километров.

– Валера, поехали в центр скатаемся. Жрать охота, – озираюсь на родительский дом, где еще недавно мне предлагали ужин. Нет уж. Лучше я выберу более приятную компанию.

В машине откидываюсь на сиденье, регулирую выдвижную подставку для ног, занимая полулежачее положение. Какое-то время залипаю в телефоне, не сразу замечая валяющуюся под водительским сиденьем сумку.

Подцепляю пальцами позолоченный ремешок-цепочку и тяну на себя.

Вот так сюрприз.

Вытаскиваю из небольшого и единственного здесь отделения паспорт в розовой обложке. Следом телефон в уже пожелтевшем силиконовом чехле.

– Токарева Есения Альбертовна, – смотрю на заламинированную страницу и довольно стремную фотку вчерашней «подруги» с длинным языком.

Как неосмотрительно, Есения Альбертовна. Очень неосмотрительно. Бросаю паспорт на сиденье и в один щелчок снимаю телефон с блокировки. У нее даже пароля нет. Девочка-ромашка.

Тупые фотки. Тупые треки. Ну, один плюс, что на морду она симпатичная. Паспорт в расчет не берем.

И что же нам с тобой, Есения Альбертовна, теперь делать?

Улыбаюсь, замечая в зеркале взгляд водителя.

– Валера, ужин отменяется, разворачивай тачку, – взмахиваю рукой и звоню Бережному. Судя по последним событиям, сегодня просто грех не наведаться к нему в гости…

7

– Может, этот посмотрим? – Леська тычет курсором на очередной американский сериал с налетом сверхъестественного. – Красивые мальчики, загадочные убийства и тайны…

– Ладно, уговорила.

Взбиваю подушку и открываю жестяную банку пепси с тихим шипением. Газированная жидкость превращается в пену, начиная выливаться через край. Отвожу руку с уже липкими пальцами в сторону, чтобы не намочить постельное белье.

Бережная морщит нос и протягивает мне пару влажных салфеток.

– Спасибо, – поджимаю губы, – прости.

– Ой, забей. Все, я выключаю свет. Смотрим.

Улыбаюсь, вытирая руки, и откидываюсь на подушку. Взгляд падает на дверь гардеробной. Подумать только, у Бережной есть практически отдельная квартирка для вещей.

Моя спальня точно уступает по размерам ее «складу» со шмотками.

У Леськи огромный дом, до знакомства с ней я в подобных не бывала. Максимум видела издалека.

Отрываю кусок пиццы, втягивая носом аромат горячей пеперони. Во рту образуется вязкая слюна, а желудок подает сигнал в виде тихого урчания о том, что голоден. Кажется, я

сегодня еще ни разу не ела.

Пока главные герои на экране, что освещен прожектором, залезают в заброшенный дом, я успеваю провалиться в воспоминания. Вчерашняя ночь стала для меня кошмаром…

Я никогда не испытывала такого сильного страха, словно висишь на волоске между жизнью и смертью. Жуткие ощущения. А эти взгляды… Налет превосходства и вседозволенности в его глазах пугал до чертиков. Честно говоря, до сих пор пугает.

Принял меня за… Даже думать об этом не собираюсь. В его убогой жизни все построено лишь на «хочу». Чем больше денег, тем ниже падает планка. У него она уже давно продавила плинтус.

В силу своего довольно бойкого характера я никогда не сталкивалась с таким вот отношением. Но вчера что-то явно пошло не по плану. Этот Панкратов точно псих. Стоит о нем вспомнить, как кожа покрывается крупными мурашками. Ему лечиться нужно. А то, как среагировало мое подсознание, еще хлеще. Сидела там как забитая мышь, боясь слово против сказать. Еще вчера страшно боялась, а теперь дико злюсь на саму себя, потому что позволила так с собой обращаться…

Леська сжимает мою ладонь. Получается довольно неожиданно, и я вздрагиваю.

– Не думала, что этот фильм в итоге превратится в настоящий ужастик, – шепчет, бросая взгляд на мои плечи, по-

крытые гусиной кожей.

– Ага, – киваю, хотя даже не в курсе, о чем толком сюжет. Мысли затянули меня в свою воронку, полностью отрывая от реальности.

За окном начинает темнеть, и мы даже не замечаем, как засыпаем.

Я открываю глаза, когда на экране уже ползут титры. Меня словно подбросило во сне. Что-то всколыхнуло уже давно утихшие эмоции и заставило разлепить веки.

Лоб мокрый. Майку на спине спокойно можно выжимать. Затылок покалывает.

Провожу ладонью по влажным волосам и вылезаю из-под одеяла.

Сердце шарашит как ненормальное. Внутри все цепенеет.

Стараясь не шуметь, выскальзываю из комнаты на кухню. На мне короткие шорты и белоснежная майка.

Хочется пить. Не сладкую газировку, а именно воду. Чистую холодненькую водичку.

Включаю приглушенный свет и дергаю ручку холодильника на себя.

Сворачиваю крышку с бутылки негазированной минералки, наливаю в стакан и бросаю туда пару кубиков льда. Пока ледяная жидкость обволакивает горло, а тело насыщается влагой, прислушиваюсь к отдаленным звукам. Кажется, они доносятся с цокольного этажа. Если не ошибаюсь, там биллиард. Видимо, Витася развлекается.

Делаю еще несколько глотков и убираю бутылку обратно в холодильник. То, что теперь я здесь не одна, понимаю сразу.

По запаху чувствую, кто стоит за моей спиной. По въевшемуся вчера в мою одежду запаху туалетной воды…

Сердце заходится в бешеном ритме. Медленно поворачиваю голову и мгновенно ловлю его взгляд. Он оценивающе ползет по моему телу. Конечно же, Андрей подмечает и короткие шорты и жутко облегающий верх.

– Ну привет! – голос звучит угрожающе. – Какая встреча… – Панкратов спускает лямку моей майки по плечу.

8

Демонстративно скидываю его грабли и, чуть задрав подбородок, делаю шаг в сторону.

– Зря, – Андрей лениво улыбается и не церемонясь возвращает меня обратно.

– Убери руки.

– Ты повторяешься.

Позади отчетливо слышится шорох, а после на кухне зажигается яркий верхний свет. Виталик, шаркая ногами по полу, нацеливается на холодильник. Заметив нас, несколько раз заторможенно моргает, прежде чем начать лыбиться.

– О, Еська, какая встреча. Быстро ты из трусов выпрыгнула.

Скептически осматривает мой внешний вид, чуть дольше задерживая взгляд на спущенной лямке и слегка взлохмаченной шевелюре.

Он ржет, а меня пробирает злость. Нет, настоящая ярость. Толкаю Андрея в сторону, чтобы высвободиться из маленького круга ада.

– Слушай, Виталик, – упираюсь ладонями в столешницу, – ты либо очень тупой…

– Либо? – влезает Панкратов, все еще стоящий за спиной.

– Не лезь, – отмахиваюсь от него, за что получаю тычок в плечо.

Ошпариваю его взглядом и отхожу на другую сторону кухни. Теперь нас разделяет огромная столешница, и я не чувствую его угнетающего присутствия позади.

– Именно ты, – выдерживаю взгляд Андрея, – одноименное название романа Достоевского! А он полнейший кретин, если думает, что я пересплю с кем-то вроде тебя, – тычу в Виталика пальцем.

– Чего? – Бережной сводит густые брови на переносице.

– Это она меня так идиотом назвала, Витася, – Панкратов широко улыбается и медленно огибает столешницу.

– Это я тебе еще льстила, – гадливо улыбаюсь, оттягивая вниз края майки. Что-то меняется. Я была настроена просто попить водички, а в итоге опять попала в переделку с этим…

Он продолжает приближаться. Я паникую и не нахожу ничего лучше, чем выплеснуть на него содержимое своего недопитого бокала.

– Остынь, – бросаю как бы небрежно.

Внутри же замираю. Кончики пальцев немеют. Плотно сжимаю губы, продолжая наблюдать за происходящим.

Он легким движением руки вытирает лицо, я же делаю шаг назад, начиная направляться в сторону лестницы.

Конечно же, успевая уловить его грозный, испепеляющий мою худенькую фигуру взгляд.

– Развлекайтесь, – издаю истеричный смешок и покидаю кухню.

В какой-то момент перехожу на бег. Мой выпад точно не

останется без внимания. Потому шаг лучше ускорить. На втором этаже путаю двери и залетаю вовсе не в Леськину комнату. Даже практически успеваю закрыться.

Практически, но не фактически.

Андрей довольно сильно толкает дверь, и я отскакиваю на пару метров, чтобы не получить ею в лоб.

– Только попробуй, – хватаю со стола что-то похожее на ночник, крепко сжимая его в руках, чтобы отбиваться.

Здесь темно. Правда, Панкратов это быстро исправляет. Щелкает выключателем, и я щурюсь от яркого света верхних ламп.

– Серьезно? – заламывает бровь, рассматривая орудие моей защиты.

– Не подходи ко мне, – повышаю голос, выставляя руку вперед. Край майки задирается примерно до пупка, создавая лишний дискомфорт. Я и так как на иголках. Фиг поймешь, что у этого безумного в голове.

– Кажется, это твое?

Он вытаскивает из кармана мой телефон и нагло трясет им перед лицом.

– Отдай.

– Ну нет, Есения Альбертовна, такое благодушие с моей стороны нужно заслужить. А ты сегодня только в минус работаешь. Холодный душ я не заказывал.

– Пошел ты!

– Кстати, красные трусы тебе идут гораздо больше белых,

рыжуля.

Вспыхиваю, вспоминая недавнюю фотку в зеркальном отражении. Заказала себе новенькое белье, делилась с Леськой впечатлениями…

Похвасталась, блин, обновкой. И почему у меня нет привычки ставить пароли?

– Ты рылся в моих вещах? – осекаюсь, и мой голос звучит как писк, жутко противно и неуверенно.

– Изучал содержимое утерянной сумочки. Вдруг там конверт с сибирской язвой.

Его голос становится более бархатистым. Шаги пружинистыми. Он подкрадывается ко мне, как пума. Осторожно, чтобы не вспугнуть. А в уме держит одну-единственную мысль – загнать жертву в ловушку. Наброситься и отгрызть голову.

Съеживаюсь. Между нами миллиметров шесть, не больше. Моя выставленная вперед рука оказалась так себе барьером. Он преодолел его без усилий.

– Ты глупая, – склоняет голову вбок, – или бесстрашная?

– Второе, – сглатываю и ставлю ночник обратно на стол под его пристальным взглядом. Он наблюдает за каждым движением.

– А я уверен, что первое.

– Верни мне мой телефон, – делаю глубокий вдох и расправляю плечи. – Сейчас же.

– Иначе что?

– Что?

– Взамен, – закатывает глаза. – Что ты предложишь мне взамен? – пропускает прядь моих волос между пальцами.

9

– Ничего. Обойдешься.

Он снова поддевает лямку моей майки и резко ее отпускает. Издается характерный щелчок от соприкосновения пружинистого материала с кожей. Боже, ну что она ему все покоя-то не дает?!

– Ладно. Держи.

Смартфон покоится на его ладони, а я совершаю первую ошибку. Ведусь. Адское желание вернуть свое берет верх.

Правда, как только касаюсь телефона, Андрей притискивает меня к себе уже другой рукой.

Впечатывает в свое тело, напрочь лишая права выбора. Ведет по бедру, чуть выше подбираясь к талии. У него горячие руки и такое же дыхание. Я чувствую его на своей шее.

– Ты сказал, что не маньяк.

– Я и не маньяк, – ухмыляется.

– Незаметно.

– Да ладно, тебе же нравится.

– Ты действительно думаешь, что мне нравится, когда меня лапает какой-то псих?

– Ты ко мне необъективна.

– Точно, это же не ты затащил меня ночью в машину и чуть не придушил.

– Ты обиделась? Брось. Это всего лишь шутка.

– Если я…

– Ш-ш-ш, – прижимает палец к моим губам. – Тихо.

Напрягаюсь.

Пытаюсь оттолкнуть его, но не получается. Мы слишком близко. Он успел подстраховаться и зажать меня в угол у окна. Телефон бросил на пол.

Бросаю быстрый взгляд на улицу. На небе сегодня полная луна. Поэтому, видимо, упыри и выползли.

– Прекрати меня трогать.

Стараюсь говорить спокойно. Правда, стоит ему коснуться моего лица, и я замолкаю. Ошарашенная происходящим, пытаюсь подобрать подходящие слова, но ничего не идет на ум. Ничегошеньки.

Я только хлопаю ресницами, как самая настоящая болванка из таких любимых Леськой мелодрам. Ладошки становятся влажными. Да что со мной не так?

– Я был уверен, что у тебя зеленые глаза.

У него хриплый, низкий голос.

– Думаю, глаза – это последнее, куда ты смотрел.

С его губ слетает смешок и застревает в моей голове. Я все прокручиваю, прокручиваю этот звук, а после вздрагиваю.

Меня ошпаривает его прикосновение. В кромке между шортами и футболкой. Аккурат на голой коже живота.

Зрачки расширяются, а дыхание сбивается. Даже не так, кажется, я совсем не дышу. Так и стою замерев. Втянула воздух, забивая им легкие доверху, а выдохнуть не могу. Будто

онемела. Или просто отупела.

Все, что происходит, – за гранью. Запрокидываю голову, и наши взгляды встречаются. Упираюсь ладонями ему в грудь, и Андрей слегка прищуривается. Нависает надо мной, удерживая за плечи. Сегодня, без каблуков, я не дотягиваюсь ему даже до подбородка.

Не знаю, в какой момент внутри что-то щелкает. Но все мои страхи исчезают. Я переполняюсь такой необходимой мне сейчас отвагой. Склоняю голову вбок, и волосы тяжелой копной ложатся на правое плечо. Откидываю их за спину, аккуратно касаясь ткани темной футболки, что обтягивает мужские бицепсы. Поддеваю плотный материал ногтем, замечая татуировку. Точнее, самый ее край.

Андрей больше не пытается меня удерживать. Кажется, мы оба попадаем в какую-то неведомую нам и выставленную кем-то другим ловушку. Стрелка часов явно замедляет ход.

Кладу раскрытую ладонь ему на грудь, веду чуть выше. Пальцы на секунду проваливаются в ямочку у ключицы, вздрагиваю и резко отдергиваю руку.

Мне кажется, Панкратов в не меньшем шоке, чем я сама. Даже захват ослабил.

– Пусти, – сглатываю. – Пусти ты меня уже, – толкаю его в плечо, чтобы уйти. – Ни убить меня, ни надругаться надо мной ты не можешь. Поэтому убери руки и дай пройти!

Храбрость окончательно поднимает голову. Расправляет плечи.

Я делаю глубокий вдох, протискиваюсь между ним и стеной. Подбираю с пола телефон и вполне обыденным шагом выхожу за дверь в полной тишине. Правда, в коридоре быстрее пули несусь в Леськину спальню.

Ненормальный. Толкаю дверь и сразу забираюсь с головой под одеяло. Тапки сбрасываю на пол уже из укрытия.

Меня трясет. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Что это было? Что за глупая реакция, Еся?

Переворачиваюсь на бок, засовываю руку под подушку.

Закрываю глаза и снова вижу его. Все эти мерзкие улыбочки, выверенные движения. Даже в ушах его голос. Я до сих пор это слышу. И чувствую прикосновение пальцев к собственным губам.

Его горячих пальцев.

Ненавижу.

Меня от него тошнит. Он мерзкий, гадкий, самовлюбленный индюк, которому снова стало скучно. И в моем лице он нашел лишь развлечение.

Правда, я еще не знаю, что скоро его в моей жизни станет слишком много

10

– Еська! – взвизгивают Ленка с Катькой, не переставая орудовать ложками и поглощать рисовую кашу на молоке.

– Завтракать будешь? – мама бросает на меня беглый взгляд, переворачивая на сковороде очередной блинчик.

– Нет. Уже опаздываю. Забежала посмотреть, как тут дела.

Пришла удостовериться, что наша квартира в целости и сохранности после появления папаши. А тут – сюрприз. Оказалось, мама с девчонками вернулись еще ночью. Успели на последнюю электричку.

– Ты сегодня допоздна?

– Думаю, да. У меня репетиция, а потом на работу еще нужно.

– Будь осторожнее. По ночам домой возвращаться…

– Я все знаю, мамуль. Не переживай, у меня есть баллончик и электрошокер, – целую ее в щеку.

– Ладно, – поправляет воротничок на моей рубашке, – юбка-то совсем коротенькая, – качает головой.

Мама всегда хочет казаться строже, чем есть на самом деле.

– Бабье лето, – пожимаю плечами и заворачиваю блинчик с творогом в салфетку, поем по дороге на учебу.

Взлохмачиваю Ленкину карешку, за что получаю шлепок по руке, прежде чем выйти из кухни. На пару минут при-

тормаживаю у зеркала в прихожей. Придирчиво осматриваю свой внешний вид в отражении. Подкалываю волосы шпильками на затылке, собирая незамысловатый пучок из ярко-рыжих прядей.

Честно говоря, в нашей семье густая огненная шевелюра досталась только мне. От отца.

В детстве я терпеть не могла свои волосы. Меня за них, конечно же, дразнили. А когда по весне нос и щеки покрывались веснушками, в общем, «рыжий-рыжий, конопатый» звучало из каждого утюга.

– Еська, куда это ты так марафетишься?

В гостиной открывается дверь, и захмелевший отец практически вываливается в коридор. Он успевает упереться ладонью в стену, чтобы не упасть.

– На учебу.

– С каких это пор на учебу ходят с еле прикрытым задом?

– Не твое дело, – цокаю языком и скольжу ладонями по бедрам, чуть оттягивая вниз свою черную кожаную юбку.

Еще не хватало его нравоучения слушать, было бы от кого.

– Я ушла, – слегка повышаю голос и выскальзываю за дверь.

На остановке повторяю прошлую лекцию по философии. В маршрутку залезаю тоже в обществе Теодора Адорно.

К сожалению, я не круглая отличница и никогда ею не была. Последний год в школе состоял исключительно из зубрежки, а еще подработок для оплаты репетитора. У мамы на

это финансовой возможности не было. Санитаркам в больнице платят сущие копейки, да и деньги все в основном на младших уходили. То какие-то прописи купить, то дополнительные тетради…

Я училась и работала с одной-единственной целью – хорошо сдать экзамены. Получить внушительное количество баллов и поступить на бюджет.

Подрабатывала в основном по мелочи: курьер, уборщица, официантка на замену… Плюс в этом плотном графике было необходимо выкроить время для танцев.

Я танцевала сколько себя помню. Участвовала во всяческой самодеятельности в школе, когда стала постарше, попросила маму записать меня в кружок. Даже ездила на различные областные соревнования от дома культуры. В четырнадцать бросила бальников и ушла к современникам. Там было где разгуляться.

Я протанцевала с ребятами четыре года. А когда сломала руку из-за неудачной поддержки и слетела с важных соревнований, ушла. Ушла сама, не могла смириться с тем, что по такой глупости упустила возможность. Психанула. Когда захотела вернуться, мое место уже было занято…

В группу всегда была огромная очередь из желающих.

– Бережочек мой, – закидываю руку на плечо подруге, столкнувшись с ней у центрального входа в универ. – Привет.

– Привет, – Леся чмокает меня в щеку и лезет в сумку

за тетрадкой. – Готова к сегодняшнему семинару? Говорят, философ уже с первых дней рвет и мечет. Одни двойки да тройки, почти на всех потоках.

– Ну, я учила, – пожимаю плечами и поворачиваю голову на шум гудящего мотора, смешанный с громкой музыкой.

Университетский двор взрывается ревом объемного двигателя, мгновенно привлекая к себе всеобщее внимание.

Не понимаю почему, но я уже знаю, кто сидит внутри этой тачки. Можно предположить, что какой-то первокурсник, например. Но нет. Это Панкратов собственной персоной.

11

– Что он тут делает?

Обращаюсь к Лесе, а сама наблюдаю, как Андрей выходит из машины.

Он лениво огибает капот и здоровается с Бережным. Поправляет часы на левой руке и кивает подходящим парням.

У его машины мгновенно собирается небольшая компания. Я знаю каждого из них. Четвертый курс. Юристы. С кем-то мы пересекались по вузовской самодеятельности. Вот, Семенов например капитан команды КВН, а Костров иногда помогает мне ставить танцы.

Слышу мужской смех и нервно закусываю щеку. А еще, наверное, краснею. То, что произошло сегодняшней ночью…

Провожу пальцами по плечу, до сих пор ощущая его прикосновения. Сердце ускоряется. В висках пульсирует. Ну бред же.

Хватит, Еся!

Прикрываю глаза на пару секунд. Нужно перезагрузиться, иначе я свихнусь.

Ведь этой ночью, в этой чертовой комнате была не я. Нет. В меня словно кто-то вселился. Кто-то слишком трусливый и способный повестись на красивого, богатого мальчика.

– Перевелся из Москвы. Ты, наверное, уже слышала про

ситуацию со Славой, его братом.

– Так, краем уха, – достаточно придирчиво осматриваю ярко-красный «Мустанг», на котором он приехал. Металл бликует на солнце.

– Ну вот, поэтому Андрей решил вернуться. Ну, по крайней мере, мне так сказал Виталик.

Леська поправляет ворот водолазки и перекидывает свои шикарные волосы на одно плечо.

– Ясно.

Прежде чем зайти в здание, бросаю еще один взгляд на машину и неожиданно для себя успеваю задеть им Андрея. Панкратов в этот момент как раз оборачивается.

Черт! Вспыхиваю.

Он ухмыляется, снова оценивающе скользит по мне взглядом и вытягивает большой палец вверх. Все, что мне остается, это закатить глаза, схватить Леську за руку и скрыться за массивными дверьми университета.

– Это он тебе? – Олеся округляет глаза.

– Видимо, – пожимаю плечами, – дурачок, что с него взять.

Бережная заливается смехом, а потом замечает объект своей тайной любви.

Женя Костров как раз идет к нам.

– Давай, шаг вперед, – подбадриваю подругу и быстренько делаю ноги. Третий лишний.

Бреду в сторону аудитории и никак не могу выкинуть из

головы эти его мерзкие взгляды и улыбочки. Точно больной.

– Есь!

Голос Ритки Богдановой становится для меня неожиданностью, я даже не сразу понимаю, что она от меня хочет, когда преграждает путь. Просто киваю в такт ее срывающимся с губ словам.

– Так что?

– Что? – напрягаю извилины, чтобы начать соображать хоть немного. – Прости, Рит, я сегодня с опилками вместо мозгов.

– Я говорю, нас в ректорат вызывают.

– Группу?

– Ага.

– На большом перерыве сходим.

– Да вроде как сейчас нужно.

– Да?

А вот это уже хорошо, пропустить половину пары философа по весьма уважительной причине – это то, что мне нужно.

– Ну, пошли тогда. Девчонок только нужно собрать.

– Я уже в общем чате кинула клич.

Киваю и, ускоряя шаг, иду следом за Марго. Группа, о которой мы говорили, небольшой университетский танцевальный коллектив из шести человек. Я попала туда по великой случайности. В прошлом году перед новогодними праздниками на вопрос, занимался ли кто танцами, подняла руку. И закрутилось…

Меня задействовали в самодеятельности вуза по самую макушку.

Теперь я точно уверена, что не собираюсь связывать свою жизнь с танцами в дальнейшем. Но сейчас вся эта деятельность дает мне немалые поблажки. Руководство вуза ценит активных студентов, особенно если они могут занять призовое место на районных соревнованиях и к тому же эпатировать публику на различных университетских мероприятиях.

Как я и думала, ректор хочет подрядить нас на областные межвузовские соревнования. Апеллирует фактами и делает жирный намек о том, что похлопочет за нас перед новогодней сессией.

По дороге на пару наталкиваюсь на Женьку. Он прохлаждается в коридоре третьего этажа. И все, наверное, обыденно, если бы не одно но…

Такое жирное и не дающее мне покоя.

Андрей. Панкратов стоит рядом с ним. Даже что-то рассказывает. Когда оборачивается и видит меня, убирает руки в карманы брюк. Смотрит внимательно. Мне кажется, что в его голове я точно вышагиваю по коридору голой.

– Еська, здорово! – Костров облокачивается на подоконник, убирая назад свою длинную челку. – Все пляшете?

– Здравствуй, – улыбаюсь, – Женя. Ставим номер. Заглядывай на репу.

– Обязательно.

Костров лыбится, а вот стоящий рядом Панкратов делает

вид, что меня здесь нет.

– Кстати, познакомьтесь, это Андрей. А это Еська, – толкает Панкратова локтем в бок.

– Есения, – мило улыбаюсь, – Жень, на репу правда загляни, посмотришь свежим взглядом. Мы, конечно, не брейк-дансисты, но, может, что интересное подскажешь.

– Да без проблем.

– Супер. Так, ладно, я пошла. У меня еще философия. А ты что, прогуливаешь?

– Что-то вроде того.

Костров импровизационно перебирает пальцами, продолжая при этом улыбаться. У Женьки завораживающая улыбка, сложно остаться с кислой миной, когда он рядом. Неудивительно, что моя Леся в него по уши втрескалась.

– До встречи, – прижимаю сумку к груди, возвращаясь к своему маршруту. Все же стоит посетить философию, зря учила что ли?!

– Ты ее хорошо знаешь? – слышу приглушенный голос Андрея.

– Ее все знают. Она местная звезда.

– Везде отсвечивает?

– Сияет.

Отчетливо слышу Женькины слова. И просто захожусь гордостью. Так-то, Панкратов.

12

– Раз-два, – взмахиваю рукой и обвожу девчонок строгим взглядом, – три… Так, стоп! Вы как коровы на льду, ноль пластики. Еще и тормозите, музыку слышим вообще?

Повышаю голос и смотрю на часы, притопывая ногой в такт секундной стрелке.

– Мы с такими темпами не то что на областные, на городские соревнования не попадем. Рита, что за прогиб?

– Есенька, ты чего такая бешеная? – Богданова поправляет майку и подходит ближе. – Панкратов, что ли, покусал?

– Что? Кто?

– Философ, говорю, что ли, покусал? – Ритка смотрит на меня как на ненормальную.

Отлично, Еся, приехали. Теперь у тебя еще и аудиоглюки.

– Так, меньше слов, больше дела. Возвращаемся в исходное. Девочки, ну не тормозите.

Пока девчонки расползаются по местам, а я пытаюсь сосредоточиться, за спиной появляется Костров.

– Еще раз привет, – толкает меня в плечо.

– Ты давно тут?

– Минут десять. Чего дергаешься? Нормально они отрабатывают.

– Просто «нормально» мне недостаточно.

– Ах да, забыл. Тебе же нужно великолепно.

– Именно, – улыбаюсь ему в ответ.

– Вас с пар сегодня сняли?

– Ага, конечно. С физры только. У нас же одновременно стоит.

– Ясно. Обед же, пошли кофе попьем.

– Ты это видишь вообще?

Тычу пальцем в Ларионову, которая в пятый раз ломает мне всю картинку невпопад выброшенной рукой.

– Ты так орешь, что у нее уже нервный тик начался, – хохмит Женька, – устрой передышку.

– Ладно, ты мертвого уговоришь. Девочки, – выключаю музыку, – двадцать минут отдыхаем.

– Обед, вообще-то, сорок, – гнусавит Анька.

– Да что ты говоришь? Вот когда начнешь входить в поворот вместе со всеми, тогда хоть час жрать можешь. И давайте без перебора. Никаких пирогов в буфете.

– Ты не боишься, что когда-нибудь они устроят тебе темную? – Костров играет бровями, заставляя меня улыбнуться.

– Пусть только попробуют. Пять минут жди, я быстро переоденусь.

Женька кивает и усаживается на кресло в первом ряду зала.

Я же прячусь за кулисами, пытаясь как можно быстрее стянуть с себя слегка влажную майку и широкие штаны.

Анька все это время смотрит на меня как на врага.

– Ань, – вздыхаю, – прости. Я сегодня, может, действи-

тельно переборщила. Просто, если мы не возьмем первое место, ректор нас со свету сживет. Сама же понимаешь?

– Да понимаю, – вытирает лицо влажными салфетками, – просто ногу вчера потянула, вот и косячу.

– А чего сразу не сказала?

– Ты не спрашивала.

– Аня, блин! К медичке сходи, и на сегодня для тебя тренировка закончена.

– Да я могу.

– Ага, сегодня могу, а завтра с кровати не встану. Все, отдыхай и ходи поменьше.

– Токарева, ты прям мамочка.

Смеюсь и вылезаю на сцену. Костров подает мне руку и помогает спуститься.

Мы выходим в коридор аккурат под звонок. В столовой еще достаточно просторно, и можно успеть купить поесть без километровых очередей. Заодно беру порцию и для Бережной.

Леся присоединяется к нам минут через десять. Усаживается напротив Кострова, начиная глупо улыбаться.

Боже, она неисправима.

Снова смотрю время и ставлю в голове галочку, что скоро пора возвращаться в зал.

– …в общем, было забавно, – Леська поджимает губы и хлопает длиннющими ресницами.

Наблюдать за ней и Женькой всегда забавно. Хотя Кост-

ров далеко не дурак и все понимает. Просто шанса ей не дает. Я, конечно, пыталась намекать, да что там намекать, говорить прямо, что у него в башке только танцы и куча телок на одну ночь, но Леська не слушает.

Поэтому тему больше даже не поднимаю. Если ей все это по вкусу, то вперед.

Прикрываю рот ладонью, чтобы зевнуть, и совершенно случайно замечаю проходящего мимо столовки Панкратова.

Он-то мне и нужен. К сожалению, мои документы и ключи все еще у него.

– Ребята, я побежала. Репа.

Леська понимающе кивает, а вот Костров порывается проводить. Отрезаю все его попытки одним словом: «Сама!» Выходит немного злостно.

Выбежав из столовой, сворачиваю к входу во внутренний двор. Пока стою на крыльце, оглядываюсь по сторонам.

А вот и он!

Панкратов идет в сторону своей машины, приложив к уху смартфон. Разговаривает.

Еще немного, он сядет в тачку и уедет.

– Панкратов! – ору на всю улицу, привлекая к себе лишние взгляды. – Стой, я кому говорю.

Андрей замедляет шаг. Разворачивается и быстро убирает телефон в карман.

– Не прошло и пары часов, а ты уже за мной бегаешь, – скалится, замирая взглядом на моем лице.

– Губу закатай. Я по делу.

– И? – заламывает бровь.

– Паспорт верни и ключи.

– Какой такой паспорт?

– Гражданки Российской Федерации, на имя Токаревой Есении Альбертовны.

– Так это твой, что ли? – включает дауна. Весело ему, блин.

– Прекрати ерничать. Верни мне паспорт. Сволочь.

– Верну.

– Ну?

– Сегодня. В одиннадцать. Приезжай в «Milk».

– У меня нет времени таскаться по твоим забегаловкам.

Насчет забегаловок я, конечно, погорячилась. «Milk» – это открывшийся в том году клуб. Я была там один раз. Не то чтобы мне не понравилось, просто ценник там кусачий.

– А придется. Или паспорт тебе совсем не нужен?

– Ладно. Я приду. Но если ты не вернешь мне ключи и документы, запоешь фальцетом. Ясно?

– Рыжие все такие злые?

– Пошел ты.

13

Андрей

– Бережного ждать будем? – Женька спускает солнцезащитные очки на край носа, наблюдая за уходящей Токаревой. Еще немного, и начнет пускать слюни.

«Подруга» направляется к автобусной остановке. Ее упакованные в футболку с вырезом полушария подпрыгивают в такт шагам, а рыжая копна волос развевается на ветру.

Девочка, конечно, конфетка. Бесспорно. А судя по захлебывающемуся слюнями Кострову, подобную реакцию она вызывает здесь у многих. Первый день в универе, а я про нее раз двадцать уже слышал.

– Сам доковыляет. Знаешь же, что я его плохо переваривaю.

С Бережным у нас давний конфликт, он как бы забыт, но при этом постоянно лежит на поверхности. Для вида мы вроде друзья, а по факту….

– Да, наш Витася тот еще слизняк. Хотя сестрица от него недалеко ушла, достала. Натуральная овца.

– Баба ему в рот заглядывает, а он еще и недоволен.

– Ты ее видел? Святоша. Оно мне надо? Да и с отчимом их шизанутым потом проблем не оберешься. Мне иногда кажется, что он сам на нее виды имеет, – Жека передергивает

плечами и продолжает балаболить.

Пока Костров жалуется на жизнь и Леську, я просчитываю план сегодняшнего вечера.

Упираюсь затылком в подголовник, а ладонью в руль. Ночка должна получиться забавной. Токарева точно придет. Такая не может остаться в стороне, я задел ее лелеянное самолюбие. Указал место. И она приложит все силы, чтобы доказать обратное.

Вот и посмотрим, на что способна наша местная звезда.

Городок у нас маленький, скучный. Москва мне в ближайшее время не светит, а отыскать здесь веселье – задача не из легких. Хотя я, кажется, ее уже выполнил.

Так что пардон, Есения Альбертовна, если я слегка попользую вас в своих целях…

– …она сразу свалила, – Костер отвлекается от своей болтовни и залипает в телефон.

– Кто?

– Что «кто»?

– Свалила.

– А, да Еська. Ну, помнишь, сегодня к нам рыженькая такая подходила.

– Имеешь виды?

– Замутить бы не отказался.

– Что останавливает? – смотрю перед собой, пока наш разговор приобретает довольно занимательный окрас.

– Пошлет. Она всех посылает.

– Прям вот всех?

– Ну, я еще не видел и не слышал, чтобы она с кем-то тут мутила.

– А вот это уже интересно.

Костер прищуривается и шумно выдыхает.

– Андрюха, давай только без твоей жести. Нормальная же девчонка.

– А я разве что-то сказал?

– Да у тебя на роже все написано. И как я раньше не просек, что вы знакомы?

– С чего такие выводы?

– А разве нет?

– Так, пересекались пару раз. Все, заканчивай трепаться, поехали.

– Топи.

Все время от универа до поселка Жека снова балаболит, только теперь по телефону. От его повышенной коммуникабельности уши опухают. Сколько можно ржать и рассуждать ни о чем? К тому же с какой-то проходной девицей.

Выбрасываю его рядом с Костровским семейным гнездом и еду к себе.

Славик еще в больничке. Я навещал его с утра. Вроде бодрячком. Поломало его, конечно, сильно. Сломано три ребра, рука, нога, сотряс. Но, главное, живой. Оклемается.

Бросаю тачку во дворе и захожу в дом.

Жара ранней осени сменяется легкой прохладой кондици-

онеров. Уже хочу подняться наверх, но нарываюсь на мать.

– Андрюша, – мама касается плеча и невзначай поправляет воротник на моей рубашке. Всегда так делает. – Как первый день в новом вузе?

– Нормально. Ничего сверхъестественного не встретил.

– Все юморишь. На самом деле я хотела сказать тебе спасибо, что не вспылил и не стал спорить с отцом по поводу этого перевода.

– А разве был смысл? Он бы все равно уперся рогом.

– Тут ты прав. Но лишние скандалы нам сейчас ни к чему, и так вся эта ситуация со Славой…

Мамины губы начинают дрожать, а глаза становятся влажными.

– Мам, не реви. Нормально все будет.

– Дай бог, милый… дай бог.

– Ты куда так принарядилась? – обвожу взглядом ее строгий белый брючный костюм.

– Скажешь тоже. Решила к отцу на работу заглянуть, а потом к Славику поеду. Со мной не хочешь?

– К бате? Не обессудь…

– К Славе, – тихо посмеивается.

– Я утром был. Завтра еще заеду.

– Тогда ладно, не буду тебя больше задерживать.

– Ну что за глупости?

– Ну все-все. Я уехала.

– Давай.

Задержавшись на лестнице, наблюдаю, как мамина фигура направляется к выходу. Как только дверь за ней закрывается, перескакиваю через ступеньку и поднимаюсь наверх.

Часов до восьми мое бренное тело просто валяется на кровати. Заниматься чем-либо нет ни сил, ни желания.

Этот город действует на меня похлеще любых нейролептиков при здоровой психике. Превращает в овоща.

К десяти подваливает Костер. Так как едем в клуб, за руль запрягаем Валеру.

Падаем на втором этаже, в випке.

Несколько раз вскользь смотрю на часы и начинаю нервничать. Неужели я просчитался?

А нет, губы сами расплываются в улыбке, когда глаза замечают у бара рыжую макушку. Наша девочка все же сдержала слово.

Спускаюсь вниз и сразу тяну ее за руку подальше от шумной толпы.

Токарева идет за мной без слов, но смотрит при этом нахмурившись.

Заталкиваю ее в небольшое уединенное помещение, примыкающее к ВИП-зоне. Те, кто в курсе, частенько зависают тут с танцовщицами, что ставят клубные номера.

Опускаюсь на диван и хлопаю ладонью по кожаной обивке рядом с собой.

– Обойдусь, – Токарева нервно теребит в руках сумку.

На ней бежевые палаццо, пиджак мужского кроя в тон

брюкам и светлый топ, открывающий глазам доступ к плоскому животу. Подготовилась.

14

Внимательно оцениваю товар лицом, что называется. Чуть дольше задерживаю взгляд на ее бедрах и возвращаюсь к лицу. Рыжая копна собрана в высокий пучок, демонстрируя тонкую шею.

В моих собственных штанах уже давно напряг.

– Волосы распусти.

Без всех этих зализанных причесок ей гораздо лучше. Факт.

– Что, прости? – она прищуривается, а ее губы остаются слегка приоткрытыми, даже когда слов с них больше не слетает.

– Ты слышала. Выпьешь? – открываю меню.

Волосы она, конечно, не распускает.

– Нет, я здесь исключительно по делу. Верни все, что должен.

Еська задирает подбородок. Стоит вся такая собранная, деловая. А в моей голове почему-то сразу всплывает ночь в доме Бережных. Там она была куда податливее.

– Я тебе ничего не должен, заметь, это ты от меня все чего-то хочешь.

– Так, ясно. Я так и думала, что ты балабол.

– Но ты можешь хорошо попросить.

– Дай угадаю, – прикладывает палец к своим пухлым гу-

бам, – расстегнуть пару пуговиц на твоих штанах, встать на колени…

– Ход твоих мыслей мне нравится.

Она улыбается чуть шире, а после начинает откровенно ржать. Делает шаг в мою сторону. Смотрит сверху вниз.

– Значит так, Панкратов, – упирается носом туфли в мои брюки, аккурат между ног.

Стискиваю зубы от причиненного дискомфорта. Пока она не переходит грань. Так, просто играет.

– Да у тебя шикарные ноги, – веду пальцами по тонкой щиколотке, поднимая ткань широких женских брюк к колену.

Чувствую, как по ее загорелой коже ползет россыпь мурашек.

– Я в курсе. Так вот, насчет паспорта можешь расслабиться, я уже подала заявление на замену документов. Замок дома тоже сменила. Поэтому ты мне больше абсолютно не интересен, – все же переходит черту, надавливая своей чертовой туфлей сильнее.

Обхватываю лодыжку и резче, чем хотел, отвожу ее ступню в сторону. Токарева издает тихий писк, чувствуя, с какой силой мои пальцы впиваются в ее кожу.

– А зачем пришла?

– Лично тебе сказать, – игнорирует свой дискомфорт и склоняется к моему лицу, – что ты просчитался, милый, – шепчет в самое ухо.

Она снова издает смешок, дергает ногой, чтобы высвободиться из захвата, и расправляет плечи.

– Хорошего вечера, Андрюша. Не скучай.

– Стоять.

Повышаю голос, и она стопорится. Мешкает буквально пару секунд. Складывается впечатление, что повышенные тона ее немного дезориентируют. Плохие воспоминания? С этим мы разберемся позже.

– Не так быстро, – успеваю перехватить ее руку и прижать Токареву к стене. – Даже обидно, что вся эта красота, – в сотый раз за последние минуты обвожу ее тело взглядом, – не для меня.

– Даже не надейся, – выплевывает каждое слово. Еще немного, и зашипит.

– Я и не надеюсь. Я уверен в обратном, – подцепляю резинку на ее волосах и тяну вверх. Рыжий пучок разваливается на глазах, а тяжелые пряди медленно падают на плечи. – Говорю же, так лучше.

– Позволь, я буду решать сама, ладно? Руку убери, – пытается вырвать свое запястье из моей ладони, – синяки останутся.

– А ты не дергайся, и все будет в лучшем виде.

– Да что ты?

– Давай вернемся к вопросу. Я не идиот. Ты могла бы не приходить, особенно после такой запальчивой речи про паспорт и ключи. Но ты здесь. Потому вопрос остается откры-

тым. Зачем?

– Потому что терпеть не могу выскочек. Запомни раз и навсегда: все твои бабки, влияние, вот этот пафос – для меня просто пыль. Ясно? Я не собираюсь терпеть издевки. Не позволю, чтобы ты…

Показательно зеваю, и она замолкает, чуть округлив глаза.

– Я же говорил. Скучно. Среди вас слишком скучно. Ты меня утомила, проваливай.

– Что?

– Вали отсюда.

Вижу, как дергается ее подбородок, как вздымается грудь. Девочка разозлилась, а еще потерялась. Такую речь задвинула… явно рассчитывала на другую реакцию.

– Козел!

С этими словами она вылетает за дверь.

Один – один. На сегодня, думаю, хватит. Пусть побесится.

Токарева почти бегом уносится из поля моего зрения. Только вот минут через двадцать я вижу ее среди гоу-гоу танцовщиц, что разбавляют этот вечер своими танцами на возвышенность, что именуются здесь сценой.

Рыжуля заводит публику, покачивая своими округлыми бедрами в такт музыке.

То, что на ней надето, будет слишком неприлично назвать одеждой. Так, тряпки, скрывающие сокровенные места.

А вот это уже интересно. Упираюсь руками в железную перекладину, продолжая наблюдать за разыгрывающимся шоу.

То, что она у нас профи в танцах, я уже в курсе. Но вот о том, что Есенька вертит задом перед пьяной толпой… вот это уже интересно.

Достаю из карман смартфон и включаю запись видео.

15

– Ну пожалуйста, Есечка, – Таня складывает ладони вместе и смотрит умоляющим взглядом, – если ты мне не поможешь…пожлуйста!

– Да я понятия не имею, что делать.

– Посмотришь на других девчонок, ты быстро схватываешь.

– Тань…

– Выручай, подруга, я соседей уже минут двадцать топлю. Просто представить не могу, во сколько мне это обойдется…

– Все совсем плохо? – иду на попятную под гнетом Танькиных проблем. Я же прекрасно понимаю, что ремонт своей и соседской квартир влетит ей в копеечку.

– Очень. Так что? Выручишь?

– Ладно.

– Отлично. Ты не переживай, мои деньги за смену твои. Не миллионы, конечно…

– Уговорила.

Танька хлопает в ладоши, расплываясь в улыбке.

– Так, пошли с девчонками познакомлю и в двух словах объясню, что к чему…

Этот разговор у нас состоялся сразу, как я сбежала от Панкратова. Уже собиралась уходить и в дверях столкнулась с Царьковой. Мы знакомы с ней сто лет. Когда-то, вместе за-

нимались бальными танцами.

Теперь же я стою на клубной сцене. Всегда терпеть не могла гоу-гоу. Но выбора у меня, походу, не было. Точнее был… но моя сострадательность сыграла на руку Таньке. А вот что принесет это мне… большой вопрос.

Отработав смену примерно до трех ночи, на еле передвигающихся ногах ползу в так называемую гримерку. На самом деле это небольшое помещение с четырьмя зеркалами и кучей вешалок с одеждой для выступлений.

Смываю боевой раскрас, стирая ватным диском тональник с тушью. Под глазами мгновенно образуются черные круги. Пытаюсь энергичнее убрать все это дело, параллельно вызывая такси.

Когда выхожу на улицу, по привычке через главный вход, мельком замечаю Кострова. Он курит неподалеку в компании еще пары парней.

Ускоряю шаг и юркаю в такси. Пейзажи ночного города навеивают сон, и в какой-то момент я отключаюсь. Просыпаюсь от громкого, недовольного голоса водителя, сообщающего о том, что мы приехали.

Расплачиваюсь и, как настоящий сонный мишка, бреду к подъездной двери. Дома заваливаюсь в постель прямо в своем костюме. Только пиджак снимаю. Ноги гудят. Я сто лет не танцевала на таких высоченных шпильках. Теперь остается надеяться, что это не выведет меня на пару дней из строя и я смогу полноценно принимать участие в наших с группой

тренировках.

– Есь! – мамин голос доносится откуда-то издалека.

– А, да?! – поднимаю голову с подушки, стараясь разлепить глаза. В них будто песка насыпали.

– На учебу проспишь. Так, а ты почему в брюках?

– Поздно пришла, лень было раздеваться.

– Ты пила, что ли? – мама прикладывает ладонь к груди.

– Нет, – все же слезаю с кровати. На ходу стягиваю штаны и топ. Хватаю полотенце и, завернувшись в халат, иду в душ.

Когда появляюсь на кухне, чтобы позавтракать, снова ловлю на себе укоризненный взгляд. Мама продолжает свою немую войну.

– Мама, я была в клубе с Лесей. Мы танцевали вот на таких каблуках, – разъединяю большой и указательный пальцы на максимальное расстояние, – полночи.

– А ты не забыла, моя дорогая, что утром на учебу? Год только начался, а ты…

– Я проснулась, ничего не пропускаю и ко всему готова. Давай не будем ругаться.

В гостиной слышится звон падающих бутылок, и мама обхватывает голову руками.

– Нет, я так больше не могу! – отбрасываю ложку. – Он снова хочет устроить здесь притон! – срываюсь со стула и практически с ноги открываю дверь в комнату.

Отец валяется возле дивана. Комната слишком отдаленно похожа на то, что было здесь неделю назад.

– Просыпайся, – пинаю его и слышу мамин вздох за спиной, – я полицию сейчас вызову!

На эти слова папаша реагирует. Вяло, но хоть что-то. Он сквернословит пьяным заплетающимся языком, а меня просто душит вся эта ситуация. Боже, какая мерзость, и мы в этом живем.

– Есенька, иди на учебу. Я сама разберусь.

Мама крепко сжимает мои плечи, и все, что я могу, это кивнуть.

Правда, распрощавшись со скандалом дома, как только я переступаю порог универа, сразу влипаю в новый.

– Токарева, тебя в ректорат вызывают, – гнусавит староста группы, едва я успеваю войти в аудиторию, – немедленно!

Пожар там, что ли?

Преодолеваю два пролета и заглядываю в приемную. Ректорская секретарша обдает меня холодком во взгляде и, виляя бедрами, чешет сообщать, что я пришла.

– Проходи, – цокает языком, поправляя вырез шифоновой кофточки.

– Благодарю.

Оказываться на ковре у ректора мне не впервой. Только вот до сегодняшнего дня я стояла тут исключительно из-за положительных моментов.

А теперь… теперь смотрю на видеозапись из клуба, обрывок которой мне демонстрирует деканша моего факультета. Она тоже здесь.

– Ты хоть понимаешь, как это ужасно? Ты вольна делать все, что хочешь, за пределами вуза. Но так, чтобы твоя личная жизнь не….

– Я разберусь, – стискиваю зубы. Ну что за день?

– Будьте любезны, Есения, – подключается ректор. – Я понимаю, дело молодое, но вы собираетесь представлять на соревнованиях целый вуз. Ваши ночные развлечения могут стать для нас черным пиаром. И да, слово пиар я здесь ставлю на последнее место. Сами знаете, как легко слететь с…

– Я поняла, – отвечаю с легким нажимом, – и во всем разберусь. Обещаю, больше подобного вы не увидите.

– Буду надеяться. Не задерживаю…

Отбежав на пару метров от кабинета, прилипаю к стенке и сползаю по ней вниз. Щеки горят. В голове просто не укладывается, кому хватило ума притащить какое-то убогое видео из клуба руководству вузом.

Зарываюсь пальцами в волосы и слышу до боли знакомый голос. Ну он-то здесь откуда?

– Да ты, я смотрю, вчера весело отдохнула.

– Отвали.

– Не кусайся. Я, может быть, с миром.

– Ты? Ну-ну.

– Так что за траур?

Андрей присаживается на корточки и слишком неожиданно тянет меня за руку. Так, чтобы видеть лицо, которое я загородила локтями.

– Не твое дело, – отдергиваю руку, – иди, куда шел.

– Я слышал, тебя в ректорат вызывали…

– Не твое де… – договорить не успеваю, потому что меня осеняет.

Это же он. Он это сделал. Я не раз танцевала в клубах, но никогда моя личная жизнь не смешивалась с учебой. А тут…

Он был в клубе, он видел меня на сцене. Что ему стоило записать ролик? Всего пара минут.

Ведь вчера он ждал от меня повиновения. Уверена, думал, что я прибегу к нему на задних лапках весело вилять хвостом.

Ловлю его взгляд. Так хочется выцарапать его наглые глаза, но еще рано.

– Так я повторяю свой вопрос. У тебя все нормально?

– Лучше всех, Андрюша, – говорю настолько приторным голоском, что самой тошно становится. – Хорошего дня.

Поднимаюсь на ноги и, выпрямив спину, шагаю в аудиторию. В голове тем временем крутится одна-единственная мысль: «Ну держись, Панкратов, я тебе устрою. Раз не понимаешь по-хорошему!»

16

– Ну что там? – оживляется Леська, как только я подсаживаюсь к ней за парту.

– Нормально, ничего серьезного.

– Просто… тут слухи уже ползут, про видео. Говорят, интимного характера.

– Что?

– В коридоре слышала, прямо перед парой, как третьекурсники обсуждали. Якобы кто-то твое интим-видео ректору слил.

– А день не перестает быть мерзким.

– Откуда вообще эти слухи поползли?

Вздыхаю и вываливаю на Бережную все, что со мной произошло за последние сутки. А потом рассказываю и о той ночи, когда Панкратов затащил меня в машину.

– Боже… – она нервно теребит в руках ручку. – Я, конечно, знала, что он тот еще козел, но чтобы настолько…Получается в ректорат тебя вызвали за гоу-го, а в универе треплются о том, что ты с кем-то на камеру переспала. И что будем делать?

– Я пока не придумала. Но обязательно с этим разберусь.

На большом перерыве мы обосновываемся в столовой. Обедаем. Только вот слухи, кажется, уже успели расползтись по всему универу. Гадские, лживые слухи. Только ленивый

не бросил на меня укоризненный взгляд с ноткой отвращения. Чувствую себя, как на иголках.

Всем вокруг весело, такая новость в начале года.

Допиваю кофе как раз в тот момент, когда к нам подсаживается Костров.

– Привет, девчонки. Еська, ты как?

– Нормально, в утешениях не нуждаюсь.

– Не обращай внимания.

– Да мне вообще плевать!

Вскакиваю из-за стола и быстрее пули вылетаю из столовой. Меня трясет. Вся эта ситуация не укладывается в голове, но главное в другом: я абсолютно не знаю, как сделать так, чтобы все забыли об этих чертовых сплетнях.

После пар мы, как и всегда, собираемся в зале на репетицию. Девчонки, конечно же, тоже не отстают от других сплетников. Пялятся, но спросить в лоб боятся.

– Значит так, нет никакого видео, ясно вам? На этом закончим гляделки и начнем работать. Прогиб! Девочки, ну ниже, – вырубаю музыку, чтобы вывалить на них очередную порцию критики. Правда, не успеваю.

Ларионова фыркает, а ее поганый рот не гнушается произнести:

– Ну, тебе виднее. Говорят, на этом видео ты такие «акробатические номера» ставила, – Анька злобно улыбается, складывая руки на груди, – гимнастки позавидуют. И вообще, как только ума хватило переспать с кем-то на камеру?

– Значит так, Аня, – подхожу к ней вплотную, – ты своими глазами это видела?

– Честно говоря, у меня желания смотреть всю эту грязь. Твоя личная жизнь меня мало интересует, особенно в таком контексте. Но мне достаточно того, что я слышала.

– Тогда закрой рот и работай. Вот когда будут пруфы, тогда и поговорим. Собрались!

Хлопаю в ладоши и включаю музыку.

Остаток репетиции я больше не вклиниваюсь с указаниями. Мне кажется, что и сама лажаю по полной. Голова отказывается понимать, что сейчас я должна танцевать. Мозг то и дело обрабатывает информацию о случившемся и ищет варианты выхода.

– На сегодня все.

Переодеваюсь последней. Закрываю зал и несу ключ в деканат.

Выудив из сумки телефон, вижу на экране пару пропущенных от Леськи, но не перезваниваю. Пока у меня нет желания для разговоров. Потом. Сейчас все, чего я хочу, это побыть одной.

На улице ловлю солнечные лучи. Напитываюсь теплом последних хороших деньков. Уже через неделю зарядят дожди, и мы медленно погрузимся во мрак слякоти, сырости и серого неба.

Так странно, еще вчера на меня смотрели с восхищением, я была здесь довольно известной персоной. А сегодня я це-

лый день то и дело ловила негатив в свой адрес. Улыбки превратились в насмешки, а восхищение – в отвращение. Конечно, остались и те, кто не верит. Но, как это часто бывает, их меньшинство. Возможно, все это мне только кажется , и я сгущаю краски…но сама ситуация далека от восторгов.

Присев на лавочку, надеваю наушники и погружаюсь в нирвану. Музыка отвлекает от реальности. Позволяет расслабиться. Правда, ненадолго.

Ровно до момента, пока из здания не выходит Панкратов.

Знаю, что совершаю сейчас ошибку, но в пылу эмоций не могу ничего с собой поделать. Поэтому и иду к нему. Уверенным, твердым шагом.

– Нужно поговорить, – преграждаю ему путь, заостряя внимание на том, во что он одет.

Я уже успела заметить, что Панкратов не ходит в футболках, случай в Леськином доме не в счет. На людях он появляется исключительно в рубашках, пиджаках, бадлонах … никаких кроссовок, маек и тому подобной шелухи.

– Как интересно, – сегодня он смотрит только в глаза. – Ну давай, я тебя слушаю.

– Зачем ты это сделал?

– Что именно?

– Ты был в клубе. Видел, как я танцевала, и сразу после этого меня вызвали в ректорат. Это видео и слухи, неужели тебе действительно так важно меня…

– Тебе не кажется, что это как-то мелковато? – перебивает

мой монолог. – Твои танцульки никому не интересны.

– И именно поэтому ты распустил слух о…

– О том, что на видео ты с кем-то кувыркаешься на камеру? – он лениво улыбается. – Прости, но ты не по адресу.

– Да конечно, как только ты здесь появился…

У него звонит телефон, и он без стеснения зажимает мой рот ладонью. Теряюсь от такого выпада. Сегодня у меня явно не то состояние, чтобы с достоинством вынести все эти препирания.

– Да, я сейчас подъеду. Все, через пятнадцать минут буду.

Панкратов убирает руку, прячет смартфон в карман и, не обращая больше на меня никакого внимания, уходит. Садится в свою тачку, из которой сразу же начинает доноситься громкая музыка, и уезжает.

17

– Девушка, вы опоздали на двадцать минут! – вопит полноватая женщина в очках, как только открывает дверь.

Словно я сама этого не знаю. Скрипя зубами, но при этом с самой милой улыбкой на лице достаю из сумки запечатанную в бумагу книгу и протягиваю заказчице.

– Прошу прощения, – отдаю ей чек и прошу расписаться за получение заказа.

– Черт-те что! – ставит свою закорючку и хлопает дверью перед моим носом.

Вот блин, как с утра день не задался, так оно и тянется.

К сожалению, главный минус в работе курьера – это изредка сбивающееся время доставки и нежелание клиентов хоть на минуточку войти в мое положение.

Пинаю носком кроссовка штырь лестничных перил и спускаюсь на улицу.

Погода сегодня не перестает радовать солнцем и высоким градусом на термометре.

Пока добираюсь до следующего клиента, снова проваливаюсь в раздумья. А если это действительно сделал не Панкратов? Да, все, конечно, указывает на него, и я вряд ли ошибаюсь… но вдруг…

Кто еще хотел мне насолить? Если быть честной, то желающих вагон. Все эти клеящиеся ко мне и отшитые мною

мальчики, девчонки, которых я вышвырнула из группы, когда в нее пришла… Вариантов масса, а я вцепилась в Панкратова, потому что явные доказательства его вины валяются на поверхности.

Там и мотив, и все из него вытекающее. Только вот все то, что я успела узнать о нем за это время… назойливо твердит обратное.

Он бы не пошел к ректору. Нет, он бы шантажировал меня этим походом, почему-то в этой простой истине я слишком точно уверена.

Расправившись с последней доставкой, ползу домой.

Отца в квартире, к счастью, нет. Мама уже уехала на смену, а девчонки делают уроки. Близняшкам двенадцать, но, в отличие от меня и Алинки, в этом возрасте они не самостоятельные. Нет, уроки, конечно, сами делают, и так, по мелочи. Но для всего остального остаются маленькими. Мама за ними бегает по пятам, что неудивительно. Поздние дети.

– Есь, мама не успела с ужином. Ты же приготовишь? – Катя откладывает ручку с забавным розовым пушком на колпачке в сторону и смотрит на меня, как оголодавший котенок.

– Могли бы и сами яичницу пожарить.

Пока я мою руки и снимаю кольца, уже Лена, последовавшая за мной, морщит нос на своем красивом лице.

– Ты сама знаешь, что у нас конфорки плохо зажигаются.

– Нормально они включаются, – закатываю глаза и, опо-

лоснув лицо прохладной водой, обтираю его полотенцем с вышитым на уголке утенком. – Иди уже, – отправляю ее в комнату.

Сама же зависаю на кухне с приготовлением ужина и лекцией по мерчандайзингу. Завтра семинар, а я одна из первых претенденток на ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.